

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

УМЕРЕТЬ
В ИТАЛБАРЕ

FAN|ZON

Роджер Желязны
Остров мертвых.
Умереть в Италбаре
Серия «Fanzon. Миры
Роджера Желязны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70568974

Остров мертвых; Умереть в Италбаре : [переводс английского] /

Роджер Желязны: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-202381-1

Аннотация

Лауреат премии «Аполло».

Финалист премии «Небьюла».

Знакомьтесь, Фрэнсис Сэндоу – практически бессмертный создатель планет, один из богатейших людей галактики тридцать второго века, да еще и связанный с одним из инопланетных богов. Однажды он сотворил кошмарный Остров мертвых, воплотив болезненные образы Арнольда Бёклина, земного художника из далекого девятнадцатого века. И теперь, чтобы спастись от загадочного врага, который может проникать даже в глубины подсознания Сэндоу, ему придется покинуть свою личную планету и посетить Остров в реальности, а не только во снах. Но даже эта угроза меркнет перед лицом общегалактической

пандемии, невольной причиной которой становится доктор фон Хаймек... и предотвратить которую способен лишь Сэндоу.

Впервые полное издание цикла «Фрэнсис Сэндоу»: два романа и дополнительные материалы. Новые переводы и новые тексты!

Цикл о создателе миров Сэндоу – одна из вершин творчества классика научной фантастики Роджера Желязны.

Омнибус, в который входит полный цикл произведений про галактического авантюриста и служителя инопланетного бога Фрэнсиса Сэндоу. Два романа, рассказ и черновик неизданного романа с комментариями автора. История про кошмарный Остров мертвых, который создал сам Сэндоу и про галактическую эпидемию, которая грозит вымиранием всем разумным видам, если Фрэнсис не остановит беду.

Содержание

Остров мертвых	5
I	5
II	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Роджер Желязны Остров мертвых. Умереть в Италбаре

Остров мертвых

Посвящается Бэнксу Мибейну

I

Жизнь – да простится мне это небольшое философское отступление перед тем, как вы поймете, что за картину я рисую, – немало напоминает мне пляжи Токийского залива.

Конечно, с тех пор как я видел этот залив и эти пляжи, минули столетия, так что я могу быть немного неточен. Но мне говорили, что, если не считать презервативов, все там осталось примерно таким же, как в моих воспоминаниях.

Я помню чудовищную ширь грязной воды, вдалеке становящейся прозрачнее и, возможно, чище, но у берега вонючей, хлюпающей и холодной, подобной Времени в том, как оно истачивает вещи, приносит их и уносит. Каждый день Токийский залив может выбросить на пляж что угодно. Во-

образите себе любой предмет, и рано или поздно залив его выплюнет: труп мужчины; раковину, словно сделанную из алебастра, розовую и тыквенно-оранжевую, с закрученной влево спиралью, неизбежно сужающейся в рог, невинный, как у единорога; бутылку, содержащую или не содержащую в себе записку, которую вы сможете или не сможете прочесть; человеческий зародыш; гладчайшую деревяшку с дыркой от гвоздя – быть может, часть Креста Господня, я не знаю, – а также черные камешки и белые камешки, рыбок, пустые плоскодонки, мотки кабеля, кораллы, водоросли и два перла, в которых некогда взор сиял. Вот так. Оставьте эту штуку лежать – и немного погодя залив заберет ее обратно. Так уж заведено. Ах да – а еще раньше он просто-таки кишел презервативами: обмякшими полупрозрачными свидетельствами инстинкта продолжить род, но не сегодня; порой они были расписаны броскими рисунками или слоганами, порой у них на конце было перышко. Я слышал, теперь презервативов почти не осталось; они ушли той же дорогой, что и автомобили «Эдсел», клепсидры и крючки для застегивания пуговиц, их разгромили и повергли в прах противозачаточные таблетки, которые заодно еще и грудь увеличивают, так что кто станет жаловаться? Порой, исхлестанным солнечными лучами утром, прогуливаясь на пляже под свежим бризом, помогавшим мне забыть, что я нахожусь в реабилитационном отпуске с маленькой и тщательно локализованной войны в Азии, лишившей меня младшего брата, я слышал

резкие птичьи крики, хоть и не видел никаких птиц. Они вносили элемент тайны, которая делала сравнение неизбежным: жизнь немало напоминает мне пляжи Токийского залива. Случиться может что угодно. На берег то и дело выбрасывает странные и неповторимые вещи. Я – одна из них, и вы тоже. Какое-то время мы проводим на пляже, возможно, даже бок о бок, а потом эта хлюпающая, вонючая, холодная тварь проводит по нему жидкими пальцами распадающейся руки и снова утаскивает кое-какие из вещей. Таинственные крики птиц – это загадка человеческого существования. Голоса богов? Быть может. Наконец – давайте уж зафиксируем это сравнение на стене как следует, прежде чем покинуть комнату, – есть две причины, по которым я его вообще туда повесил: иногда, полагаю, волей какого-нибудь капризного течения унесенные вещи могут возвратиться на пляж. Я ни разу не видел, чтобы такое случилось, но, возможно, я просто недостаточно долго ждал. А еще какой-нибудь прохожий может подобрать одну из них и унести прочь от залива. Узнав, что первое из этих событий, возможно, случилось в реальности, для начала я проблевался. Предыдущие три дня я развлекался тем, что выпивал и вдыхал испарения экзотического растения. Затем я выгнал из дома всех гостей. Шок – великолепный отрезвитель; я знал, что второе из этих событий – унос выброшенной на берег вещи прочь от залива – возможен, потому что именно это случилось со мной, но никогда не думал, что и первое воплотится в жизнь. Поэтому я

принял таблетку, которая с гарантией должна была привести меня в норму за три часа, засел в сауну, а после растянулся на огромной кровати, в то время как слуги – механические и иные – занимались уборкой. Потом меня начала бить дрожь. Мне было страшно.

Я – трус.

Есть множество вещей, которые меня пугают, и все они – из тех, над которыми у меня нет никакой или почти никакой власти, вроде Большого Древа.

Я приподнялся на локте, взял с прикроватной тумбочки конверт и еще раз взглянул на его содержимое.

Ошибка исключалась, особенно когда подобное послание адресовалось мне.

Я принял доставленный экспресс-почтой конверт, положил в карман пиджака и открыл, когда нашлась свободная минутка.

А потом я увидел, что это шестой снимок, и проблевался, и прервал вечеринку.

Это была три-дэ фотография Кэти, одетой в белое, и, судя по дате, сделали ее месяц назад.

Кэти была моей первой женой – быть может, единственной женщиной, которую я любил, – и с тех пор, как она умерла, прошло больше пятисот лет. Этот последний момент я объясню чуть позже.

Я внимательно изучил снимок. Шестой из тех, которые я получил за такое же количество месяцев. На них были запе-

чатлены разные люди, но все они были мертвы. Уже несколько веков.

За спиной у Кэти виднелись скалы и синее небо – вот и все.

Эту фотографию могли сделать в любом из мест, где есть скалы и синее небо. И она с легкостью могла оказаться фальшивкой – теперь есть люди, способные подделать что угодно.

Но есть ли теперь кто-то, знающий достаточно, чтобы отправить ее мне, и зачем ему это делать? Никакого письма в конверте не обнаружилось, лишь фотография, и так же было со всеми предыдущими – снимками моих друзей, моих врагов.

И все это заставило меня вспомнить о пляжах Токийского залива, да еще, пожалуй, об Откровении Иоанна Богослова.

Я укрылся одеялом и лежал в искусственных сумерках, которые включил в полдень. Мне было спокойно все эти годы, так спокойно. А теперь рана, которую я считал затянувшейся, зажившей, аккуратно зарубцевавшейся и забытой, вскрылась, и я истекал кровью.

Если был хоть малейший шанс, что в своей трясущейся руке я сжимаю правду...

Я отложил ее в сторону. А потом задремал, и теперь не могу вспомнить, какая такая тварь, выбредшая из безумных коридоров сна, заставила меня так вспотеть. Уверен, что это к лучшему.

Проснувшись, я принял душ, натянул свежую одежду, то-

ропливо поел и, прихватив кувшинчик кофе, отправился в свой кабинет. Когда я еще работал, то называл его офисом, но лет тридцать пять назад изжил эту привычку. Я просмотрел отобранную и отсортированную почту за последний месяц и нашел то, что искал, среди просьб о деньгах от каких-то странных благотворительных фондов и каких-то странных личностей, которые намекали, что, если я не отреагирую, они меня взорвут, четырех предложений прочесть лекции, одного – выполнить работу, которая когда-то показалась бы мне интересной, кучи периодических изданий, письма от давно потерянного потомка надоедливой сестренки моей третьей жены, который напрашивался ко мне в гости, трех обращений от художников, ищущих мецената, тридцати одного извещения о поданных против меня исках, а также писем от различных моих адвокатов, сообщавших, что они разгромили тридцать один поданный против меня иск.

Первое из важных писем было от Марлинга с Мегапая. В переводе оно звучало приблизительно так:

«Земной сын мой, я приветствую тебя двадцатью семью Именами, что остаются в этом мире, и уповаю на то, что ты продолжишь сеять во тьме драгоценности, наделяя их сиянием красок жизни.

Боюсь, что срок, отпущенный тому древнему и темно-зеленому телу, которое я имею честь носить, подойдет к концу в начале следующего года. Много времени утекло с тех

пор, как эти слепнувшие желтые глаза видели моего приемного сына. Да придет он ко мне до окончания пятого сезона, ибо все мои заботы тогда будут со мной, и его рука на моем плече облегчит их бремя. Мое почтение».

Второе послание было от горнопромышленной компании «Глубокая Шахта», которая, как всем известно, служит фасадом для Центрального разведывательного департамента Земли, и в нем мне предлагалось приобрести подержанное – но в хорошем состоянии – оборудование для внепланетной добычи руды, установленное в местах, транспортировка из которых была бы слишком затратна для его нынешних владельцев.

На самом же деле за шифром, которому меня обучили много лет назад, когда я работал по контракту на федеральное правительство Земли, скрывалось, если перевести с канцелярского, примерно следующее:

«В чем дело? Разве ты не верен своей родине? Мы уже почти двадцать лет просим тебя посетить Землю и обсудить с нами вопрос, касающийся безопасности планеты. Ты упорно игнорируешь эти просьбы. Это неотложная проблема, и она требует твоего немедленного сотрудничества по вопросу огромной важности. Надеемся, что – и т. д.»

Третье, написанное по-английски, гласило:

«Не хочу, чтобы тебе показалось, будто я злоупотребляю тем, что осталось в далеком прошлом, но у меня серьезные проблемы, а ты – единственный, кто, как мне кажется, мо-

жет помочь. Если в ближайшее время тебе представится такая возможность, пожалуйста, прилетай ко мне на Альдебаран-V. Я до сих пор живу по старому адресу, хотя дом сильно изменился. Искренне твоя, Рут».

Три воззвания к человечности Фрэнсиса Сэндоу. Какое из них связано – если хоть какое-то вообще связано – с фотографиями в моем кармане?

Оргия, которую я прервал, была своего рода прощальной вечеринкой. Все гости уже успели разлететься с моей планеты. Затевая эту вечеринку в качестве эффективного способа напоить их и разослать по домам, я знал, куда именно полечу сам. Но появление фотографии Кэти заставило меня задуматься.

Каждый из отправителей этих трех писем знал, кто такая Кэти. У Рут когда-то была возможность добыть ее фотографию, над которой мог поработать кто-нибудь талантливый. Марлинг способен был этот снимок попросту создать. Центральный разведывательный департамент мог раскопать старые документы и сфабриковать его в своих лабораториях. А может, все они не имели к этому отношения. Странно, что к фотографии не прилагалось никакого послания, если уж кто-то чего-то от меня хотел.

Я обязан был почтить просьбу Марлинга, иначе никогда не смог бы себя простить. Это был первый пункт в моем списке дел, однако теперь... меня просили прибыть в северное полушарие Мегапая до окончания пятого сезона, а до

этого оставалось еще больше года. Значит, я мог позволить себе несколько промежуточных остановок.

Но каких?

У Центрального разведывательного департамента не было права требовать моих услуг, а Земля не имела надо мной власти. Хотя я и готов был помогать ей по мере возможностей, эта проблема не могла быть такой уж жизненно важной, если меня из-за нее допекали уже два десятка лет. Планета, в конце концов, до сих пор существовала и, судя по той информации, что до меня доходила, функционировала так же стабильно и так же плохо, как и всегда. И, раз уж на то пошло, если я им так нужен, как они пишут, могли бы и сами прилететь и повидаться со мной.

А вот Рут...

Рут – это другое дело. Мы прожили вместе почти год, прежде чем поняли, что разрываем друг друга в клочья и ничего хорошего из этого не выйдет. Мы расстались друзьями и остались друзьями. Она не была для меня пустым звуком. Я удивился, узнав, что она до сих пор жива, ведь прошло столько времени. Но если Рут нуждается в моей помощи – она ее получит.

Итак, решение было принято. Я по-быстрому слетаю повидать Рут и вызволить ее из переделки, в которую она угодила. А потом отправлюсь на Мегапей. А где-нибудь по пути, возможно, отыщу зацепку, которая поможет ответить на вопросы «кто», «что», «когда», «где», «почему» и «как ко

мне попали эти фотографии». А если нет – посету Землю и попробую заручиться помощью ЦРД. Быть может, они оплатят мне услугой за услугу.

Я пил кофе и курил. А потом, впервые за почти пять лет, позвонил в свой порт и приказал подготовить «Модель Т», мой джамп-багги для прыжков на дальние расстояния. Подготовка должна была занять остаток дня и большую часть ночи и закончиться к рассвету.

Потом я сверился со своим автоматическим Секретарем-Референтом, чтобы уточнить, кто сейчас владеет «Т». С-Р сказал, что она принадлежит Лоуренсу Д. Коннеру с Лощера – «Д» означало «Джон». Так что я заказал все необходимые документы, и примерно пятнадцать секунд спустя труба выплюнула их в мою мягкую корзину для входящих сообщений. Я внимательно изучил описание внешности Коннера и призвал своего парикмахера на колесах, чтобы тот превратил меня из шатена в блондина, осветлил мой загар, добавил чуток веснушек, сделал глаза на три оттенка темнее и сменил мне отпечатки пальцев.

У меня есть целый штат вымышленных людей с полноценными и легко подтверждаемыми – если ты вдалеке от их родины – биографиями; людей, которые на протяжении многих лет перекупают друг у друга «Т» и продолжают делать это в будущем. У всех у них рост примерно пять футов десять дюймов, а вес – около ста шестидесяти фунтов. И всеми ими я могу стать, пройдя небольшую косметическую процедуру

и зазубрив несколько фактов. Мне не нравится путешествовать на судне, зарегистрированном на имя Фрэнсиса Сэндоу с Покоя – или, как его называют некоторые, Планеты Сэндоу. Это один из главных – пусть я и готов с ним жить – недостатков нахождения в списке ста богатейших персон в галактике (кажется, по последним данным я был восемьдесят седьмым – а может быть, восемьдесят восьмым или восемьдесят шестым): кому-то вечно от тебя что-то нужно, и это либо кровь, либо деньги, а я не слишком охотно расстаюсь и с тем, и с другим. Я ленив, легко пугаюсь и хочу, чтобы и денег, и крови у меня оставалось ровно столько, сколько есть. Если бы я был склонен к соперничеству, то, наверное, активно пытался бы стать восемьдесят седьмым, или шестым, или пятым – неважно. Но мне все равно. По правде говоря, я никогда не прилагал к этому особых усилий, разве что поначалу, но очень быстро заскучал. После первого миллиарда все остальное – чистая метафизика. Когда-то я размышлял о том, сколько ужасных вещей, должно быть, финансирую, не подозревая об этом. Но потом придумал свою философскую теорию Большого Древа и решил послать все это к черту.

Существует Большое Древо, такое же старое, как человеческое общество, потому что оно и есть человеческое общество, и если сосчитать все листья, растущие на его ветках и сучьях, получится общая сумма всех денег на свете. На этих листьях написаны имена, и некоторые из них опадают, а на их месте вырастают новые, и за несколько сезонов все имена

сменяются. Но Древо остается почти таким же, хоть и продолжает расти; все те же жизненные процессы протекают в нем примерно тем же образом. Было в моей жизни время, когда я пытался отсечь всю гниль, которую находил на Древе. Но оказалось, что как только я устранию ее в одном месте, она тут же возникает в другом, а мне ведь нужно когда-нибудь спать. Черт возьми, в современном мире даже раздать деньги как следует не получается, а Древо слишком велико, чтобы его можно было согнуть, как бонсай в кадке, и изменить тем самым направление роста. Поэтому я позволил ему расти как заблагорассудится, оставил свое имя на всех этих листьях – где-то увядших и пожелтевших, а где-то по-весеннему зеленых – и стараюсь наслаждаться жизнью, перескакивая с ветки на ветку и скрываясь под именем, которое не глядит на меня с каждого сучка. Вот и все мои отношения с Большим Древом. История о том, как мне досталось столько зелени, могла бы обернуться еще более смешной и сложной, но менее ботанической метафорой. Поэтому давайте оставим ее на потом. Не будем с ними перебарщивать – вы только посмотрите, куда это завело бедолагу Джонни Донна: он возомнил, будто он – не остров, и лежит теперь на дне Токійского залива, а мне от того ни жарко, ни холодно.

Я надиктовал С-Р все, что полагалось делать – и не делать – подчиненным в мое отсутствие. Несколько раз прослушал запись, долго думал и наконец решил, что учел все. Просмотрел свое завещание и понял, что ничего не хочу в

нем менять. Сложил кое-какие документы в самоуничтожающиеся ящики и оставил приказ активировать их в случае тех или иных событий. Сообщил одному из своих представителей на Альдебаране-V, что если к нему заглянет некто Лоуренс Д-значит-Джон Коннер и о чем-нибудь попросит, его просьбу необходимо будет выполнить, и условился о пароле на случай, если потребуется доказывать, что я – это я. А потом оказалось, что прошло уже почти четыре часа и я голоден.

– Сколько времени осталось до заката, с точностью до минуты? – спросил я у С-Р.

– Сорок три минуты, – донесся из скрытого динамика его бесполой голос.

– Я буду ужинать на Восточной террасе ровно через тридцать три минуты, – сказал я, взглянув на часы. – Пусть подадут омара с жареным картофелем и шинкованной капустой, корзину с хлебным ассорти, полбутылки шампанского с моих виноградников, кофе, лимонный шербет, самый старый коньяк из запасов и две сигары. Спроси Мартина Бремена, не окажет ли он мне честь обслужить меня лично.

– Слушаюсь, – сказал С-Р. – Салат не нужен?

– Салат не нужен.

Я вернулся в свои апартаменты, побросал в чемодан кое-какие вещи и начал переодеваться. А потом, хоть у меня и крутило от этого живот, а по шее бежал холодок, связался с С-Р по установленному в спальне прямому каналу и отдал

приказ, который откладывал весь день, но больше откладывать не мог.

– Ровно через два часа одиннадцать минут, – сказал я, взглянув на часы, – позвони Лизе и спроси, не хочет ли она выпить со мной на Западной террасе... через полчаса. Прямо сейчас подготовь для нее два чека, каждый на пятьдесят тысяч долларов. И еще копию рекомендательного письма А. Доставь их сюда, ко мне, в отдельных незапечатанных конвертах.

– Слушаюсь, – ответил С-Р, и пока я поправлял запонки, конверты выскользнули из трубы и улеглись в корзину на комод.

Я проверил содержимое всех трех конвертов, запечатал их, убрал во внутренний карман пиджака и вышел в коридор, ведущий к Восточной террасе.

Снаружи на солнце, обернувшееся янтарным великаном, набросилась легкая дымка, но, не продержавшись и минуты, уплыла прочь. Полчища облаков носили желто-золотую раскраску, постепенно розовевшую по мере того, как великан спускался по безжалостной синей дороге, пролегавшей между Уримом и Туммимом, пиками-близнецами, которые я поставил там, чтобы пленять и четвертовать его в конце каждого дня. В последние минуты его радужная кровь омоет их туманные склоны.

Я сел за столик под сенью вяза. Как только стул ощутил тяжесть моего тела, сверху включился генератор силового по-

ля, защищающего меня от листьев, насекомых, птичьего помета и пыли. Через несколько секунд показался Мартин Бремен, толкающий перед собой накрытую тканью тележку.

– Допрый фечер, сэр.

– Добрый вечер, Мартин. Как твои дела?

– Префосходно, мистер Сэндоу. А фаши?

– Я улетаю, – сказал я.

– Фот как?

Он разложил передо мной столовые приборы, откинул ткань с тележки и стал подавать блюда.

– Да, – ответил я, – и не исключено, что надолго.

Я попробовал шампанское и одобрительно кивнул.

– ...Поэтому я хотел перед отлетом признаться тебе в том, что ты и так, должно быть, уже знаешь. А именно – ты готовишь лучшую еду, какую я пробовал в своей жизни...

– Плагодарю фас, мистер Сэндоу. – Его красное от природы лицо сделалось на пару тонов темнее, и он с трудом заставил губы остаться прямыми, опустив взгляд темных глаз. – Я наслаждался нашим сотрудничеством.

– ...поэтому, если ты захочешь взять годичный отпуск – полностью оплаченный заранее, разумеется, и с предоставлением резервного фонда на покупку любых блюд, которые тебе захочется попробовать, – перед отлетом я свяжусь с бухгалтерией и все устрою.

– А когда фы улетаєте, сэр?

– Завтра, рано утром.

– Понятно, сэр. Да. Спасибо. Это очень приятное предложение.

– ...И заодно подыщи какие-нибудь новые рецепты.

– Пуду дершать один глаз открытым, сэр.

– Странное, должно быть, ощущение – готовить блюда, вкус которых не можешь себе даже представить.

– О нет, сэр, – возразил он, – дегустаторы апсолютно надешны, и хотя, признаюсь, я часто пытался фоопразить сепе фкус некоторых фаших плюд, плишайшим аналогом пудет, я полагаю, химик, которому фофсе не хочется пропофать на фкус кашдый из его экспериментоф, если фы понимаете, о чем я, сэр.

В одной руке он держал корзину с хлебом, в другой – кофейник, в третьей – блюдо с шинкованной капустой, а четвертая покоилась на ручке тележки. Он был ригелийцем, и имя его звучало примерно как Мммрт'н Бррм'н. Английскому его научил повар-немец, и он же помог подобрать английский эквивалент имени Мммрт'н Бррм'н. Ригелийский повар с помощью одного-двух дегустаторов, принадлежащих к тому же виду, что и клиент, способен приготовить величайший обед в галактике. К работе своей они относятся весьма невозмутимо. Этот разговор между нами уже происходил, и много раз, и Мартин знал, что я подшучиваю над ним, когда завожу об этом речь, пытаясь заставить его проговориться, что человеческая еда напоминает ему навоз, мусор или промышленные отходы. Судя по всему, профессиональная эти-

ка запрещает им об этом упоминать. Обычно Мартин защищался, становясь мучительно формальным. Но время от времени, слегка перебрав лимонного, апельсинового или грейпфрутового сока, он чуть ли не открытым текстом признавал, что готовка для *homo sapiens* считается самым низменным занятием, до которого только может опуститься ригельский шеф-повар. Я, как могу, пытаюсь возместить ему этот репутационный ущерб, потому что сам Мартин нравится мне точно так же, как его блюда, а нанять ригельского повара очень трудно, сколько бы ты ни был готов заплатить.

– Мартин, – сказал я, – если со мной что-нибудь случится, я хотел бы, чтобы ты знал: я упомянул тебя в своем завещании.

– Я... я не знаю, что и сказать, сэр.

– Значит, ничего не говори, – посоветовал я. – Признаться, я эгоистично надеюсь, что тебе ничего не достанется. Я намереваюсь вернуться.

Мартин был одним из тех немногих, кому я мог без последствий рассказать о чем-то подобном. Он проработал у меня тридцать два года и давно уже обеспечил себе приличную пожизненную пенсию. Однако его бесстрастной страстью была готовка, а еще, кажется, он почему-то мне симпатизировал. Да, он стал бы куда богаче, если бы я скончался в ту же минуту, но не настолько, чтобы ради этого сбрызгивать мою капусту ядом мертвильской бабочки.

– Ты только взгляни на этот закат! – воскликнул я.

Мартин пару минут посозерцал его, а потом заметил:

– Вы делаете их очень основательно, сэр.

– Спасибо. Можешь оставить коньяк и сигары и идти отдыхать. Я тут еще посижу.

Он оставил их на столе, выпрямился во весь свой восьмифутовый рост, поклонился и сказал:

– Удачи фам ф фашем путешествии, сэр, и допрого фечера.

– Приятных снов тебе, – отозвался я.

– Плагодарю, – и он узмеился в сумерки.

Когда вокруг меня заструились прохладные вечерние ветерки, а соложабы в своих далеких омотах затянули кантату Баха, оттуда, где скрылось солнце, выглянула Флорида – моя оранжевая луна. Ночные розодуванчики изливали свои ароматы в воздух цвета индиго, звезды усыпали небо, точно алюминиевое конфетти, рубиновое пламя свечи дрожало на моем столике, омар у меня во рту был теплым и мягким, а шампанское – холодным, как сердце айсберга. Мной овладела печаль и желание пообещать этому мгновению: «Я вернусь».

Поэтому я прикончил омара, шампанское, шербет и зажег сигару, прежде чем налить себе бокал коньяка, – что, как мне говорили, считается варварством. Во искупление своего греха я провозгласил тост за все, что видел вокруг, а потом наполнил чашку кофе.

Закончив ужин, я встал и отправился на прогулку по боль-

шому и сложному зданию, которое было мне домом. Добравшись до бара на Западной террасе, я сел за стойку, поставив перед собой коньяк. Чуть погодя я снова закурил. А потом она появилась в дверях, привычно приняв позу из рекламы духов.

Лизу окутывало нечто мягкое, шелковистое и голубое, пенившееся вокруг нее в свете фонарей террасы – сплошь искры и дымка. Она надела белые перчатки и бриллиантовое кольцо; волосы у нее были пепельные, углы и линии бледно-розовых губ изгибались, образуя круг, а голову Лиза склонила набок, закрыв один глаз и прищулив другой.

– К добру ли эта встреча при луне? – сказала она, и круг обернулся улыбкой, внезапной и свежей; я подгадал время так, что вторая луна, чисто белая, как раз всходила на западе. Голос Лизы напоминал мне запись, которую заело на ноте «до» первой октавы. Теперь музыку больше не записывают на заедающие пластинки, и никто их не помнит – но я помню.

– Привет, – сказал я. – Что будешь пить?

– Виски с содовой, – как всегда ответила она. – Прекрасная ночь!

Я заглянул в ее чересчур синие глаза и улыбнулся.

– Да, – я набрал ее заказ, и напиток был немедленно смешан и доставлен, – это так.

– Ты изменился. Стал светлее.

– Да.

– Надеюсь, ничего хорошего ты не задумал.

– Скорее всего. – Я вручил ей стакан. – Сколько времени прошло?.. Пять месяцев?

– Чуть больше.

– Твой контракт заключен на год.

– Да.

Я передал ей конверт и сказал:

– С этого момента он разорван.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Лиза; ее улыбка застыла, истаяла, пропала.

– Ровно то, о чем говорю, как и всегда, – ответил я.

– Ты хочешь сказать, что больше не нуждаешься в моих услугах?

– Боюсь, что так, – сказал я, – и вот аналогичная сумма, чтобы доказать тебе, что дело не в том, о чем ты думаешь.

Я отдал ей второй конверт.

– А в чем тогда? – спросила она.

– Я должен улететь. Тебе незачем чахнуть здесь все это время. Меня может не быть очень долго.

– Я дождусь.

– Нет.

– Тогда я полечу с тобой.

– Даже зная, что можешь погибнуть вместе со мной, если дела обернутся плохо?

Я надеялся, что она скажет «да». Но после стольких лет, думаю, я научился немного разбираться в людях. Поэтому и

подготовил рекомендательное письмо А.

– На этот раз такая возможность существует, – сказал я. – Иногда людям вроде меня приходится идти на риск.

– Ты дашь мне рекомендацию? – спросила она.

– Она у меня с собой.

Лиза глотнула виски.

– Хорошо, – сказала она.

Я вручил ей рекомендацию.

– Ты меня ненавидишь? – спросила Лиза.

– Нет.

– Почему?

– А почему я должен?

– Потому что я слабая и ценю свою жизнь.

– Я тоже ее ценю, хоть и не могу гарантировать ее сохранность.

– Поэтому я и приняла рекомендацию.

– Поэтому я ее и подготовил.

– Ты думаешь, будто все знаешь, да?

– Нет.

– Как мы проведем эту ночь? – спросила она, допивая виски.

– Я не знаю всего.

– А вот я кое-что знаю. Ты хорошо со мной обращался.

– Спасибо.

– Я хотела бы остаться с тобой.

– Но я тебя напугал?

– Да.

– Слишком сильно?

– Слишком сильно.

Я допил коньяк и, попыхивая сигарой, принялся изучать Флориду и мою белую луну, Биток.

– Сегодня ночью, – сказала Лиза, взяв меня за руку, – ты по крайней мере забудешь меня ненавидеть.

Конверты оставались закрытыми. Лиза потягивала вторую порцию виски и тоже созерцала Флориду и Биток.

– Когда ты улетаешь?

– На заре, – сказал я.

– Боже, как ты поэтичен.

– Нет, я просто таков, каков я есть.

– Это я и имела в виду.

– Мне так не кажется, но я рад был нашему знакомству.

Она допила виски и отставила стакан.

– Холодает.

– Да.

– Давай же удалимся в дом.

– С удовольствием.

Я отложил сигару, мы встали, и Лиза поцеловала меня. Я обнял ее стройную и сверкающую голубую талию, и мы направились от бара к двери, и сквозь дверь, и дальше, в дом, который покидали.

Давайте поставим здесь три звездочки:

Быть может, богатство, накопленное мною на пути к тому, кем я стал, было одной из тех вещей, что сделали меня таким, каким я стал – то есть в чем-то параноиком. Хотя нет.

Слишком просто.

Я мог бы оправдать сомнения, гложущие меня каждый раз, когда я покидаю Покой, именно этой причиной. После чего мог бы, развернувшись на сто восемьдесят градусов, оправдать и ее, сказав, что, когда у тебя действительно есть враги, это никакая не паранойя. А враги у меня есть, и в том числе поэтому я обустроил все так, что могу, оставаясь на Покое в полном одиночестве, противостоять любому человеку или правительству, решившему меня захватить. Им придется меня убить, а это окажется весьма дорогой затеей, потому что потребует уничтожения всей планеты. И даже на этот случай у меня есть выход, который, как мне кажется, может сработать, хотя в полевых условиях мне его опробовать еще не доводилось.

Нет, настоящая причина моих сомнений – это самый обычный страх гибели и небытия, знакомый всем людям, но увеличенный многократно – хотя однажды я видел отблеск света, который не могу объяснить... Забудем. Из тех, кто вышел на сцену в двадцатом веке, до нынешнего, тридцать второго, добрались лишь я да еще, может, несколько секвой. Не

обладая свойственной царству растений пассивностью, я в конце концов усвоил, что чем дольше ты живешь, тем сильнее тобой завладевает ощущение смертности. Как следствие, стремление выжить – о котором я когда-то думал исключительно в дарвиновском контексте, как о времяпрепровождении для низших классов и филумов – грозит превратиться в одержимость. Нынешние джунгли куда коварнее тех, что были во времена моей юности; в них есть что-то около полутора тысяч населенных планет – каждая со своими способами убийства людей, способами, которые очень легко экспортировать, когда перемещение между мирами почти не отнимает у тебя времени; есть семнадцать других разумных видов, четыре из которых, по моему мнению, гораздо умнее человека, а семь или восемь столь же глупы, – каждый со своими способами убийства людей; есть орды прислуживающих нам машин, столь же бесчисленных и вездесущих, как автомобили моего детства, – каждая со своими способами убийства людей; есть новые болезни, новое оружие, новые яды и новые жестокие хищники, новые объекты ненависти, алчности, похоти и одержимости, – каждая со своими способами убийства людей; и есть множество, множество, множество новых мест, где можно умереть. Многие из этих вещей я видел и встречал, а поскольку профессия моя довольно необычна, в галактике можно насчитать всего двадцать шесть индивидуумов, знающих о них больше моего.

И поэтому я боюсь, хотя прямо сейчас в меня никто не

стреляет, как стреляли за пару недель до того, как я был отправлен в Японию для отдыха и восстановления и нашел там Токийский залив – ну, скажем, тысячу двести лет назад. Это довольно близко. Это жизнь.

* * *

Я оставил дом под покровом предрассветной ночи, намеренно ни с кем не попрощавшись, потому что мне кажется, что я должен себя вести именно так. Я, однако, помахал в ответ смутной тени в здании контроля, помахавшей мне, когда я припарковал свой электрокар и двинулся через поле. Но для нее я тоже был смутной тенью. Я подошел к доку, где припала к земле «Модель Т», взошел на борт, оставил багаж и потратил полчаса на проверку систем. Потом вышел наружу осмотреть фазовые излучатели. И зажег сигарету.

Небо на востоке было желтым. От темных западных гор донесся громовой раскат. Над головой у меня проплывали облака; звезды все еще цеплялись за выцветший плащ неба, напоминая уже не конфетти, а капли росы.

В кои-то веки этого не произойдет, решил я.

Запели птицы, подошедшая серая кошка потерлась о мою ногу, а потом ушла туда, где звучали трели.

Ветерок переменился и дул теперь с юга, отфильтрованный лесом, начинавшимся у дальнего конца поля. Он приносил с собой влажные утренние запахи жизни и роста.

Когда я затянулся в последний раз, небо было розовым, а когда я повернулся и погасил сигарету, горы словно дрожали в своем сиянии. Большая синяя птица подлетела и приземлилась мне на плечо. Я погладил ее оперение и велел лететь дальше.

А потом сделал шаг к кораблю...

И споткнулся, ударившись пальцем о выступающий болт доклевеллера. Мне удалось уцепиться за стойку и уберечься от окончательного падения. Я приземлился на одно колено и не успел еще подняться, как маленький черный медвежонок принялся облизывать мне лицо. Я почесал его за ушами, погладил по голове и, поднимаясь, шлепнул по заду. Он развернулся и побрел к лесу.

Я собрался было сделать следующий шаг, но тут заметил, что мой рукав зацепился там, где стойка, за которую я ухватился, пересекалась с другой.

К тому моменту, как я высвободился, на плече у меня сидела еще одна птица, и целая темная туча их летела через поле от леса, громко хлопая крыльями. За шумом их криков я расслышал новый раскат грома.

Это происходило.

Я бросился к кораблю и чуть не споткнулся о зеленую крольчиху, сидевшую на задних лапах возле люка – нос подергивается, близорукие розовые глазки смотрят на меня. Большая стеклянная змея ползла ко мне через док, прозрачная и сверкающая.

Я забыл пригнуться, ударился головой о верхнюю пластину люка и отшатнулся. Меня тут же ухватила за щиколотку обезьянка со светлой шерстью и подмигнула мне голубым глазом.

Мне оставалось только потрепать ее по голове и аккуратно высвободиться. Она была сильнее, чем казалась.

Я вошел в люк, попытался закрыть его за собой – и его заело.

Пока я с ним разбирался, пурпурные попугаи принялись выкрикивать мое имя, а змея едва не проползла на борт.

Я нашел аварийный рычаг и дернул за него.

– Хватит! Черт бы вас побрал! – крикнул я. – Я улетаю! До свиданья! Я вернусь!

Сверкали молнии, гремел гром – начавшаяся в горах гроза направлялась ко мне. Я разблокировал люк.

– Очистите площадку! – завопил я и захлопнул его.

Потом задраил, подбежал к сиденью пилота и запустил все системы.

На экране я увидел, что животные расходятся. Мимо проплывали лохмотья тумана, и я услышал, как о корпус разбиваются первые капли.

Я поднял корабль, и вокруг меня разразилась гроза.

Я взлетел над ней, покинул атмосферу, ускорился, вышел на орбиту и задал курс.

Так бывает всегда, когда я собираюсь покинуть Покой, и поэтому я каждый раз пытаюсь улизнуть, не прощаясь с пла-

нетой. Но это еще ни разу не сработало.

Что ж, приятно знать, что кому-то ты нужен.

* * *

В положенный момент я покинул орбиту и унесся прочь от системы Покоя. Несколько часов после этого меня подташнивало, а руки то и дело начинали трястись. Я слишком много курил, и в горле у меня пересохло. Дома, на Покое, всем заведовал я. Но теперь мне снова предстояло выйти на большую арену. На мгновение мной даже овладело желание повернуть назад.

Но потом я вспомнил о Кэти, и Марлинге, и Рут, и давно покойном карлике Нике, и своем брате Чаке, и продолжил путь к точке фазового перехода, ненавидя себя.

Это случилось внезапно, сразу после того, как я вошел в фазу, когда корабль управлял собой сам.

Я начал смеяться, и меня захлестнуло ощущение безрассудства, совсем как в былые времена.

Какая разница, умру я или нет? Ради чего такого важного я жил? Ради изысканных яств? Ночей с куртизанками-контрактницами? Чепуха! Рано или поздно Токийский залив заполучит нас всех, и я знал, что со мной это тоже однажды случится, что бы я ни предпринимал. Лучше уж быть унесенным, преследуя хотя бы отчасти благородную цель, чем прозябать, пока кто-нибудь наконец не изыщет способ при-

кончить меня в постели.

...И это тоже была фаза.

Я начал нараспев произносить литанию на языке, который был старше всего человечества. Я делал это впервые за долгие годы, потому что впервые за долгие годы почувствовал, что достоин.

Свет в кабине как будто померк, хотя я был уверен, что горит он так же ярко, как и всегда. Маленькие индикаторы на панели передо мной отделились, обернулись искрами, обернулись поблескивающими глазами зверей, наблюдавших за мной из темного леса. Мой голос начал звучать как чужой, и благодаря какой-то прихоти акустики доносился теперь откуда-то издалека. Я мысленно двинулся ему навстречу.

Потом к нему присоединились другие голоса. Вскоре мой собственный смолк, но остальные продолжали звучать – слабые, высокие, стихающие и набирающие силу, точно их приносил какой-то неосязаемый ветер; они легко касались моих ушей, не то чтобы маня за собой. Я не мог разобрать слов, но голоса пели. Глаза окружали меня, не приближаясь и не удаляясь, а впереди проступило сияние, очень слабое, как закат дня, полного молочно-белых облаков. В этот момент я понял, что сплю и вижу сон, и могу проснуться, если захочу. Но я не хотел. Я шел на запад.

В конце концов, под зыбким, как сон, небом путь мне преградил обрыв. Внизу была вода – вода, которую я не мог пересечь, бледная и сверкающая; над ней медленно за-

кручивались и раскручивались туманные призраки, а вддали, очень далеко от того места, где я стоял, вытянув перед собой руку, мне – полный громоздящихся друг на друга холодных уступов, поросший каменными контрфорсами, указывающий окутанными дымкой вершинами на небо, которого я не видел, строгий, точно обработанный песком айсберг из черного дерева, – открылся источник пения, отчего шею мою обдало холодом, а волоски на ней, вполне возможно, встали дыбом.

Я увидел тени мертвых; они висели в воздухе, словно туман, или стояли, полускрытые тенью темных скал этого места. Я точно знал, что это мертвые, потому что увидел среди них непристойно жестикулирующего карлика Ника, увидел телепата Майка Шендона, едва не обрушившего империю, *мою* империю, человека, которого я убил собственными руками; а еще среди них были мой старый враг Данго-Нож, и Корткур Боджис, человек с компьютерным мозгом, и леди Карль с Алголя, которую я любил и ненавидел.

И тогда я призвал то, что, как я надеялся, все еще мог призвать.

Раздался гром, а небо сделалось ярким и синим, как озеро лазурной ртути. На мгновение я увидел ее стоящей там, за этими водами, в этом темном месте – Кэти, облаченную в белое; и наши взгляды встретились, и ее губы открылись, и я услышал свое имя – и более ничего, потому что следующий раскат грома принес с собой абсолютную тьму и укрыл ею

тот остров и человека, что стоял на обрыве, вытянув перед собой руку. Меня, по всей видимости.

* * *

Когда я проснулся, у меня было некоторое представление о том, что все это значило. Но только некоторое. И я никак не мог истолковать этот чертов сон, как ни пытался его анализировать.

Однажды я создал Бёклинов Остров мертвых, чтобы удовлетворить прихоть группы безымянных клиентов; в голове у меня, точно призрачное драже, танцевали мелодии Рахманинова. Это была непростая работа. В первую очередь потому, что я – создание, мыслящее в основном визуальными образами. Когда я думаю о смерти – а это бывает часто – у меня перед глазами поочередно встают две картины. Первая из них – Долина теней, огромная и темная долина, что начинается между двумя массивными форштевнями из серого камня, устеленная травой, у входа залитой сумеречным светом и становящейся все темнее и темнее по мере того, как ты устремляешь свой взгляд все дальше и дальше, пока наконец перед тобой не оказывается сама чернота межзвездного пространства, только лишенная звезд, комет, метеоров и всего такого прочего; вторая же – это безумное полотно Бёклина, «Остров мертвых», тот самый остров, который только что предстал передо мной в стране снов. Из этих

двух мест Остров мертвых куда более зловещ. Долина словно бы таит в себе какое-то обещание покоя. Впрочем, возможно, это потому, что я никогда не проектировал и не строил Долину теней, обливаясь потом над каждым нюансом и каждой деталью этого выворачивающего душу пейзажа. Однако – посреди планеты, во всех прочих отношениях напоминавшей Эдем, – я однажды воздвиг Остров мертвых, и он врезался в мое сознание настолько, что я не просто неспособен забыть его полностью – я стал частью его ровно в той же степени, в какой он был частью меня. И теперь эта часть меня обратилась ко мне единственным способом, которым могла, отвечая на подобие молитвы. Она предостерегала меня – я это чувствовал – и одновременно давала подсказку; подсказку, которая могла со временем обрести смысл. Символы по природе своей способны скрывать так же хорошо, как и обозначать – будь они прокляты!

Но Кэти все же увидела меня там, в глубине моего сна, а это означало, что шанс, возможно, есть...

Я включил экран и уставился на спирали света, двигавшиеся как по часовой стрелке, так и против нее, вокруг точки, находившейся прямо передо мной. Это были звезды, которые здесь, на изнанке космоса, можно увидеть лишь таким образом. Пока я висел там, а Вселенная двигалась мимо меня, я чувствовал, как слои жира, за десятилетия выросшие на брюшных мышцах моей души, воспаляются и начинают гореть. В это мгновение человек, которым я так старался

стать, умер – надеюсь, – и я ощутил, что Шимбо из Башни Темного Дерева, Повелитель Громов, все еще жив.

Я смотрел на вращающиеся звезды, ощущая благодар- ность, печаль и такую гордость, какую способен испытать лишь человек, переживший свою судьбу и осознавший, что он еще способен выковать себе новую.

Какое-то время спустя небесный водоворот затянул меня в темное сердце сна, лишённого сновидений и прохладного, мягкого и неподвижного – подобного, быть может, Долине теней.

* * *

Прошло около двух недель, прежде чем Лоуренс Коннер посадил свою «Модель Т» на планете Альдебаран-V, назван- ной в честь своего первооткрывателя Дрисколлом. Точнее, около двух недель прошло на борту «Модели Т», хотя на са- мом деле фазовый переход произошел мгновенно. Пожалуй- ста, не спрашивайте меня, почему. У меня нет времени пи- сать книгу. Но если бы Лоуренс Коннер решил улететь об- ратно на Покой, он смог бы насладиться еще двумя неделями гимнастических упражнений, рефлексии и чтения и, впол- не возможно, вернулся бы домой в тот же день, когда отбыл Фрэнсис Сэндоу, чем, несомненно, безмерно порадовал бы местную живность. Но он этого не сделал. Вместо этого он помог Сэндоу заполучить долю в торговле бриаровыми труб-

ками, которая на самом деле была ему не нужна, – просто для прикрытия, пока он изучал те детали головоломки, которые отыскал. Не исключено, что это были перемешанные детали сразу нескольких головоломок. Поди разбери.

На мне были легкий тропический костюм и солнечные очки, потому что в желтом небе висело всего несколько оранжевых облачков, а солнце обрушивало на меня волны жара, которые разбивались о пастельные тротуары и разлетались теплыми, искажающими реальность брызгами. Я приехал на взятых напрокат слип-санях в город Миди, колонию художников, местечко, слишком яркое, хрупкое и безжалостно приморское, чтобы мне понравиться, – почти все его башни, шпили, кубы и овоиды, которые люди называли домами, офисами, студиями или магазинами, были построены из гляциллина, вещества, которое можно сделать прозрачным или непрозрачным, бесцветным или какого угодно оттенка с помощью элементарного воздействия на молекулы, – и отыскал Ньюэйдж, прибрежную улочку, проехав через город, постоянно менявший цвета, напоминая мне формованное желе – малиновое, клубничное, вишневое, апельсиновое, лимонное и лаймовое – со множеством фруктов внутри.

Я нашел дом по прежнему адресу, и оказалось, что Рут была права.

Он изменился, и сильно. Когда мы жили здесь вместе, он был одной из последних твердынь, не сдававшихся погло-

щавшему город желе. Но теперь капитулировал и он. Там, где прежде была высокая оштукатуренная стена, ограждавшая вымощенный камнем дворик, арка с чугунными воротами, гасиенда, окружавшая маленький бассейн, воды которого разбрызгивали солнечные призраки на плитку и грубые стены, стоял теперь железный замок с четырьмя высокими башнями. Малиновый – до поры до времени.

Я припарковался, пересек радужный мост и коснулся панели оповещения на двери.

– Этот дом свободен, – сообщил механический голос из скрытого динамика.

– Когда вернется мисс Ларис? – спросил я.

– Этот дом свободен, – повторил голос. – Если вы заинтересованы в его покупке, свяжитесь с Полом Глидденом из риелторского агентства «Солнечные брызги», авеню Семи Вздохов, дом 178.

– Мисс Ларис оставила свой новый адрес?

– Нет.

– А какое-нибудь сообщение?

– Нет.

Я вернулся к слип-саням, поднял их на восьмидюймовую воздушную подушку и отыскал авеню Семи Вздохов, когда-то называвшуюся Мейн-стрит.

Толстый и почти безволосый, если не считать серых бровей, разделенных парой дюймов кожи и таких тонких, будто каждую нарисовали единым росчерком карандаша; ниже

бровей – глаза, асфальтово-серые и серьезные, а еще ниже – двойной изгиб розовых губ, улыбавшихся, должно быть, даже когда он спал, под крошечной вздернутой штуковинной, через которую он дышал, казавшейся еще крошечнее и вздернутее в окружении кусков теста, что служили ему щеками и угрожали подняться еще сильнее и поглотить ее полностью вместе со всеми остальными чертами, превратив его (за исключением маленьких проколотых ушей, в которых сверкали сапфиры) в гладкий задыхающийся ком плоти такого же кирпичного цвета, как покрывавшая его северное полушарие рубашка со свободными рукавами, – вот каким предстал передо мной мистер Глидден за своим столом в «Солнечных брызгах»; он опустил влажную руку, которую я только что пожал, и его масонское кольцо щелкнуло о керамическую розетку пепельницы, когда он поднял свою сигару, чтобы воззриться на меня, подобно рыбе, из озерца дыма, в которое погрузился.

– Присядьте, мистер Коннер, – прожевал он. – Что у меня есть такого, в чем вы нуждаетесь?

– Это ведь вы занимаетесь домом Рут Ларис на улице Нью-Эйдж?

– Так точно. Хотите его купить?

– Я ищу Рут Ларис, – сказал я. – Вы не знаете, куда она переехала?

Его глаза утратили прежний блеск.

– Нет, – ответил он. – Я ни разу не встречался с Рут Ларис.

– Она, должно быть, велела вам куда-то переслать ее деньги?

– Верно.

– Может, скажете, куда?

– С чего бы?

– А почему нет? Я пытаюсь ее отыскать.

– Я должен зачислить их на ее счет в банке.

– Местном?

– Да. Банк Фонда художников.

– Но лично она с вами не договаривалась?

– Нет. Этим занимался ее адвокат.

– Назовите его имя?

Глидден пожал плечами в глубине озерца.

– Почему бы и нет? – сказал он. – Андре Дюбуа из конторы «Бенсон, Карлинг и Ву». Она в восьми кварталах к северу отсюда.

– Спасибо.

– Дом вас, я так понимаю, не интересует?

– Наоборот, – сказал я. – Я его куплю, если он окажется в моем полном распоряжении сегодня вечером – и если я смогу обсудить сделку с ее адвокатом. Пятьдесят две тысячи – что скажете?

Он мгновенно вынырнул из своего озерца.

– Куда вам позвонить, мистер Коннер?

– Я остановлюсь в отеле «Спектр».

– После пяти?

– После пяти мне будет удобно.

Итак, что делать?

Для начала я снял номер в «Спектре». Потом, используя секретный код, связался со своим человеком на Дрисколле, чтобы тот обеспечил Лоуренсу Коннеру сумму, необходимую для покупки дома. А затем направился в религиозный район, припарковал сани, вылез и пошел пешком.

Я миновал церкви и храмы, посвященные Всем Подряд, от Зороастра до Иисуса Христа. Добравшись до пейанской секции, я замедлился.

И в конце концов нашел то, что искал. Над землей располагался лишь вход, зеленая постройка размером с гараж на одну машину.

Я зашел внутрь и спустился по узкой лестнице.

Достиг маленького, озаренного свечным пламенем вестибюля и прошел через низкую арку.

И очутился в темном храме, в центре которого стоял темно-зеленый алтарь, окруженный рядами скамей.

Все пять стен были покрыты стеклитовыми витражами с изображениями пейанских божеств. Быть может, мне не стоило приходить туда в тот день. Так много времени прошло.

В храме было шесть пейанцев, в том числе четыре женщины, и восемь людей. Все они носили молельные пояса.

Рост пейанцев около семи футов, и они зеленые, как трава. Головы их напоминают воронки, плоские сверху, а шеи похожи на трубки воронок. Глаза у них огромные, ртутно-зе-

ленные или желтые. Носы плоские – просто морщинки, заключающие в скобки ноздри размером с четвертаки. Волосы отсутствуют. Рты у пейанцев широкие, а зубов как таковых нет. Ближайшим аналогом, наверное, будут пластиножаберные рыбы. Они постоянно проглатывают собственную кожу. У них нет губ, но, оказавшись во рту, дерма образует складки и затвердевает, создавая острые гребни, с помощью которых пейанцы жуют. Потом старая кожа уходит дальше и переваривается, сменяясь новой. Как бы это ни звучало для тех, кто ни разу не встречал пейанца, они красивы, более грациозны, чем кошки, более древни, чем человечество, и очень, очень мудры. В остальном они билатерально симметричны, у них по две руки и две ноги, и на каждой по пять пальцев. Оба пола носят куртки, юбки и сандалии, как правило, темных цветов. Их женщины ниже и стройнее мужчин, у них более широкие бедра и грудь – однако грудных желез у них нет, поскольку их дети не кормятся молоком; первые несколько недель своей жизни они переваривают огромные слои жира, а потом – кожу. Через какое-то время они начинают употреблять пищу, в основном кашеобразные пюре и морепродукты. Таковы пейанцы.

Их язык сложен. Я его знаю. Их философские теории мудрены. Я знаком с некоторыми из них. Многие пейанцы – телепаты, некоторые обладают и другими необычными способностями. Я тоже.

Я сел на скамью и расслабился. После обучения на Мега-

пее я черпаю в пейанских храмах нечто вроде психической силы. Пейанцы крайне политеистичны. Их религия немного напоминает мне индуизм, потому что они никогда ни от чего не отказываются – и, похоже, на протяжении всей своей истории накапливали божеств, ритуалы, традиции. Называется эта религия странтризмом, и за долгие годы она успела широко распространиться. У нее есть неплохой шанс однажды стать всеобщей, потому что в ней найдет что-то свое каждый, от анимистов и пантеистов до агностиков и тех, кому просто нравятся ритуалы. Теперь собственно пейанцы составляют лишь около десяти процентов всех странтрийцев, и их вера, скорее всего, окажется первой из крупных религий, пережившей создавший ее вид. Пейанцев становится все меньше с каждым годом. Они живут чертовски долго, но не слишком плодовиты. Очень может быть, что, поскольку их величайшие ученые уже написали последнюю главу грандиозной «Истории пейанской культуры» в 14926 томах, они решили, что нет никакого смысла продолжать ее и дальше. Пейанцы очень уважают своих ученых. Такие уж они странные.

У них уже была галактическая империя, когда люди еще жили в пещерах. А потом они сошлись в продлившейся долгие века войне с другим видом, которого больше не существует, бахулийцами, – и эта война истощила их энергию, подорвала их промышленность и в разы сократила их численность. И тогда они оставили свои аванпосты и постепенно удалились в ту маленькую планетарную систему, которую

населяют сегодня. Их родная планета – тоже называвшаяся Мегапей – была уничтожена бахулийцами, которые, судя по хроникам, были уродливы, безжалостны, жестоки, свирепы и безнравственны. Разумеется, все эти хроники написаны пейанцами, поэтому, боюсь, мы никогда не узнаем, какими бахулийцы были на самом деле. Но они определенно не были странтрийцами – я где-то читал, что они поклонялись идолам.

Стоявший напротив входа в храм мужчина начал читать литанию, знакомую мне лучше прочих, и я резко поднял голову, чтобы увидеть, случилось ли это.

Оно случилось.

Стеклитовый витраж, изображавший Шимбо из Башни Темного Дерева, Повелителя Громов, светился зеленым и желтым.

Какие-то из их божеств пейаноморфны, если мне позволит ввести этот термин, а другие, как у египтян, похожи на гибриды пейанцев и обитателей зоопарка. Третьи выглядят попросту причудливо. А еще, я уверен, пейанцы в какой-то момент посетили Землю, потому что Шимбо – человек. Зачем цивилизованному виду делать своим богом дикаря – не понимаю, хоть убейте, однако же вот он: нагой, с чуть зеленоватой кожей, лицо полускрыто вздетой левой рукой, поддерживающей грозовую тучу посреди желтого неба. В правой руке у него большой лук, у бедра висит колчан с молниями. Вскоре все шесть пейанцев и восемь людей читали одну

и ту же литанию хором. В храм начали заходить новые прихожане. Он стремительно заполнялся.

Восхитительное ощущение света и силы зародилось у меня в животе и наполнило собой все тело.

Не знаю, почему это происходит, но каждый раз, когда я вхожу в пейанский храм, Шимбо начинает вот так светиться, и этому всегда сопутствуют сила и экстаз. Когда я завершил свое тридцатилетнее обучение и двадцатилетнюю практику в ремесле, принесшем мне богатство, я был единственным землянином в профессии. Все остальные мироваятели – пейанцы. Каждый из нас носит Имя одного из пейанских богов, и это сложным и уникальным образом помогает нам в нашей работе. Я избрал Шимбо – или он избрал меня – потому что он казался мне человеком. Считается, что пока я жив, он присутствует в физической вселенной. С моей смертью он возвратится в счастливое небытие, где будет пребывать до тех пор, пока другой не возьмет себе его Имя. Когда носитель Имени входит в пейанский храм, изображение его божества начинает светиться во всех храмах галактики. Я не понимаю эту связь. Даже пейанцы ее по-настоящему не понимают.

Я считал, что Шимбо давно покинул меня из-за того, что я сделал с Силой и со своей жизнью. Наверное, я посетил храм, чтобы узнать, правда ли это.

Я встал и направился к арке. Проходя под ней, я ощутил непреодолимое желание поднять левую руку. Потом стиснул

кулак и опустил его к плечу. Когда я это сделал, почти прямо над моей головой зарокотал гром.

Шимбо все еще сиял на стене, и литания наполняли мою голову, пока я поднимался по лестнице к миру, в котором начался легкий дождик.

II

Мы с Глидденом встретились в кабинете Дюбуа в шесть тридцать вечера, и он продал мне дом за пятьдесят шесть тысяч. Дюбуа оказался невысоким человеком с обветренным лицом и пышной копной седых волос. Он открыл свой офис в такой час, потому что я настаивал на том, чтобы заключить сделку этим же вечером. Я заплатил деньги, подписал бумаги, ключи перекочевали в мой карман, мы все пожали друг другу руки и пошли на выход. Когда мы шагали по мокрому асфальту, каждый к своей машине, я сказал:

– Черт возьми, Дюбуа, я забыл у вас на столе ручку!

– Я пришлю ее вам. Вы ведь в «Спектре» остановились?

– Боюсь, что я выпишусь оттуда в самом ближайшем будущем.

– Я могу прислать ее на улицу Ньюэйдж.

Я покачал головой.

– Она понадобится мне сегодня вечером.

– Вот. Возьмите эту. – Он протянул мне свою ручку.

К этому времени Глидден уже сел в машину и не слышал нас. Я помахал ему, а потом сказал:

– Я устроил этот спектакль для него. Мне нужно поговорить с вами наедине.

Неожиданный прищур изгнал из его темных глаз зарождающееся отвращение и заменил его любопытством.

– Хорошо, – сказал он; мы вошли в здание, и Дюбуа снова открыл офис.

– В чем дело? – спросил он, возвращаясь в мягкое кресло за своим столом.

– Я разыскиваю Рут Ларис, – ответил я.

Дюбуа зажег сигарету – всегда удобный способ купить себе немного времени на размышления.

– Зачем? – спросил он.

– Мы старые друзья. Вы знаете, где она?

– Нет, – сказал он.

– А разве это не... слегка необычно – распоряжаться такими деньгами от имени человека, чье местонахождение вам неизвестно?

– Да, – признал он, – соглашусь. Но я был нанят именно для этого.

– Самой Рут Ларис?

– В каком смысле?

– Она наняла вас лично, или кто-то сделал это от ее имени?

– Мне не кажется, что это ваше дело, мистер Коннер. Думаю, нам стоит закончить этот разговор.

Я секунду подумал и принял быстрое решение.

– Прежде чем мы это сделаем, – сказал я, – хочу, чтобы вы знали: я купил ее дом только для того, чтобы осмотреть его в поисках намеков на ее местонахождение. А после этого я поддамся прихоти и построю на его месте гасиенду, потому

что терпеть не могу здешнюю архитектуру. О чем это вам говорит?

– О том, что вы слегка чокнутый, – ответил он.

Я кивнул и добавил:

– Чокнутый, который может позволить себе поддаваться собственным прихотям. А следовательно – псих, который может причинить вам изрядные неприятности. Сколько стоит *это* здание? Пару миллионов?

– Не знаю. – У него сделался немного встревоженный вид.

– А что, если кто-нибудь купит его, чтобы переделать в многоквартирный дом, и вам придется искать себе новый офис?

– Мой договор об аренде будет не так-то просто разорвать, мистер Коннер.

Я хохотнул.

– ...а потом, – продолжил я, – ваша деятельность неожиданно окажется предметом расследования местной адвокатской коллегии.

Он вскочил.

– Вы и правда сумасшедший.

– Вы уверены? Я не знаю, каким будет обвинение, – сказал я, – пока что. Но вы прекрасно понимаете, что даже само расследование может осложнить вам жизнь... а если потом у вас возникнут трудности с тем, чтобы найти новый офис... – Мне не нравилось решать проблемы таким образом, но я торопился. Поэтому: – Так вы уверены? Вы точно уверены,

что я сумасшедший? – закончил я.

И тогда:

– Нет, – ответил он. – Не уверен.

– Тогда, если вам нечего скрывать, почему бы и не рассказать мне о том, как вас наняли? Мне не интересны какие-либо конфиденциальные сведения, лишь обстоятельства, при которых дом был выставлен на продажу. Мне кажется странным, что Рут не оставила никакого сообщения.

Он откинул голову на спинку кресла и изучил меня сквозь дым.

– Договор был заключен по телефону...

– Ее могли накачать наркотиками, ей могли угрожать...

– Это абсурд, – сказал Дюбуа. – И вообще, почему это вас так интересует?

– Как я уже говорил, мы старые друзья.

Его глаза расширились, потом сузились. Кое-кто еще помнил, как звали одного из старых друзей Рут.

– ...К тому же, – продолжил я, – недавно она прислала мне письмо с просьбой навестить ее в связи с каким-то очень важным вопросом. Ее здесь нет, она не оставила ни сообщения, ни нового адреса. Это дело плохо пахнет. Я собираюсь ее найти, мистер Дюбуа.

От его глаз не укрылся покров, а значит, и стоимость моего костюма, к тому же мой голос за долгие годы отдавания приказов приобрел, быть может, какие-то властные нотки. Так или иначе, Дюбуа не стал включать телефон и вызывать

КОПОВ.

– Мы договаривались обо всем по телефону и через переписку, – сказал он. – Я правда не знаю, где она сейчас находится. Она просто сказала, что уезжает из города и хочет, чтобы я продал дом и все, что в нем есть, а деньги положил на ее счет в банке Фонда художников. Я согласился заняться этим и поручил продажу дома «Солнечным брызгам». – Дюбуа отвел взгляд, потом снова посмотрел на меня. – На самом деле она оставила сообщение, которое я должен передать кое-кому – не вам – если этот человек придет за ним сюда. Если же этого не случится, я должен переслать ему сообщение, когда пройдет тридцать дней с тех пор, как я его получил.

– А могу ли я поинтересоваться именем этого человека?

– Вот это, сэр, *уже конфиденциальная информация*.

– Включите телефон, – велел я, – и позвоните в Гленко, по номеру 73737373, за счет абонента. Попросите личного разговора с Домеником Малисти, директором отделения компании «Наше дело» на этой планете. Назовитесь, скажите ему «Бека-бебека, овца-чернавка» и попросите назвать настоящее имя Лоуренса Джона Коннера.

Дюбуа подчинился, а повесив трубку, встал, пересек кабинет, открыл встроенный в стену маленький сейф, достал оттуда конверт и вручил его мне. Конверт был заклеен; на нем значилось имя «Фрэнсис Сэндоу».

– Благодарю вас, – сказал я и надорвал конверт.

Когда я взглянул на три скрывавшихся в нем предмета, мне пришлось сражаться с чувствами. Там лежала еще одна фотография Кэти – другая поза, немного другой фон, – фотография Рут, чуть постаревшей и отяжелевшей, но все еще привлекательной, и записка.

Записка была написана по-пейански. В обращении меня называли по имени, за которым следовал небольшой символ, в священных текстах обозначающий Шимбо, Повелителя Громов. В конце стояла подпись «Грин Грин», а рядом с ней – идеограмма Белиона, который не числился среди двадцати семи ныне живущих Имен.

Я был сбит с толку. Лишь немногие знали об истинных личностях Носителей Имен, а Белион – традиционный враг Шимбо. Он – бог огня, живущий под землей. В промежутках между воплощениями они с Шимбо поочередно нашинковывают друг друга.

Я прочел записку. Она гласила: «Если хочешь вернуть своих женщин, ищи их на Острове мертвых. Там же тебя ждут Боджис, Данго, Шендон и карлик».

Дома, на Покое, остались 3D-фотографии Боджиса, Данго, Шендона, Ника, леди Карль (которая могла считаться одной из моих женщин) и Кэти. Те шесть, что мне прислали. Теперь он заполучил еще и Рут.

Кто?

Насколько я помнил, среди моих знакомых не было никакого Грин Грина, а вот Остров мертвых мне, разумеется, был

известен.

– Благодарю вас, – повторил я.

– Что-то не так, мистер Сэндоу?

– Да, – ответил я, – но я все исправлю. Не беспокойтесь, вас это не касается. Забудьте, как меня зовут.

– Конечно, мистер Коннер.

– Доброго вечера.

– Доброго вечера.

* * *

Я вошел в дом на улице Ньюэйдж. Прошелся по прихожей, по многочисленным комнатам. Нашел спальню Рут и обыскал ее. Она оставила в доме всю мебель. И несколько гардеробов и шкафов, полных одежды, и всяческие мелкие личные вещицы, которые не станешь бросать при переезде. Странное это было чувство – ходить по дому, заменившему собой другой дом, и время от времени замечать что-то знакомое: антикварные часы, расписную ширму, инкрустированную коробку для сигар; это напомнило мне о том, как жизнь смешивает то, что было когда-то тебе дорого, с тем, что всегда будет тебе чуждо, убивая его неповторимую магию, которая сохранится лишь в твоих воспоминаниях о времени и месте, где оно когда-то существовало, и до тех пор, пока ты не встретишься с ним снова, эта магия будет тревожить тебя мимолетно, сюрреалистически, а потом и она тоже умрет,

когда позабытые эмоции улетучатся из картинок в твоей голове, расстрелянных этой новой встречей. По крайней мере, это произошло со мной, когда я искал следы случившегося с Рут. Пока часы пролетали мимо, а каждая вещь в ее доме просеивалась через решето моего внимания, осознание, снизошедшее на меня в офисе Дюбуа, – то, что брезжило еще на Покое, с тех пор как пришла первая фотография, – завершило свой круг: мозг-кишечник-мозг.

Я сел и закурил. Снимок Рут сделали в этой самой комнате; на нем не было того же фона со скалами и синим небом, как на других. Но я обыскал ее и ничего не нашел: ни признаков насилия, ни намеков на личность моего врага. Я произнес это вслух: «Мой враг», – первые слова, сказанные мной после того, как я пожелал доброго вечера сделавшемуся неожиданно стоворчливым седовласому адвокату, и в этом большом, похожем на аквариум доме они прозвучали странно. Мой враг.

Теперь сомнений не оставалось. От меня чего-то хотели, но чего – я точно не знал. Скорее всего – чтобы я умер. Было бы очень неплохо, если бы я понимал, кто из множества моих врагов за этим стоит. Я перебрал варианты. Я задумался над странным выбором места встречи, поля битвы. Я вспомнил свой сон об этом месте.

Если кто-то хотел причинить мне вред, глупо было заманивать меня туда – разве что мой враг был не в курсе того, какую силу я приобретаю в любом из созданных мной ми-

ров. Все вокруг будет моим союзником, если я вернусь на Иллирию, планету, которую много веков назад поместил туда, где она оставалась до сих пор; планету, хранившую Остров мертвых, мой Остров мертвых.

...А я туда вернусь. Я это знал. Рут и возможность Кэти... Они требовали моего возвращения в тот странный Эдем, что я когда-то построил. Рут и Кэти... Два образа, которые я не хотел, но вынужден был совмещать. Прежде для меня они никогда не существовали одновременно, и это ощущение мне не нравилось. Я отправлюсь туда, и тот, кто придумал эту ловушку, пожалеет об этом – ненадолго – после чего станет вечным обитателем Острова мертвых.

Я раздавил сигарету, запер красные замковые ворота и поехал обратно в «Спектр». Меня неожиданно одолел голод.

Я переоделся к ужину и спустился в вестибюль. Слева я заметил симпатичный маленький ресторан. К сожалению, он закрылся несколько минут назад. Поэтому я подошел к стойке и спросил, какая из приличных едален все еще работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.